

Атаман М. И. Платов в Бородинском сражении

Участие казачьих полков в Бородинском сражении — одна из актуальных проблем, вызывающая до сих пор острый интерес среди исследователей. В немалой степени это связано и с личностью казачьего предводителя — Матвея Ивановича Платова.

Действия казаков 26 августа 1812 г. слабо освещены в литературе. Основное внимание, особенно в последнее время, ученые уделяли роли корпуса М. И. Платова, выполнявшего в тот день совместно с 1-м кав. корпусом генерал-адъютанта Ф. П. Уварова отдельную задачу командования. Причем среди авторов нет единства мнений о цели этой кавалерийской операции, предпринятой в разгар сражения по приказу М. И. Кутузова против левого фланга наполеоновской армии; историки также по-разному квалифицируют эту операцию (атака, поиск, набег, рейд, тактическая демонстрация, диверсия). Из-за ограниченного числа введенных в научный оборот источников до сего дня остаются невыясненными многие детали: время проведения операции, численность ее участников, наличие общего командования и т. д. Наибольшие споры вызывают результаты, поскольку Платов и Уваров оказались среди немногих высших генералов, не получивших наград за Бородино в силу весьма низкой оценки их действий М.И. Кутузовым.

Бородинское сражение не без основания называют битвой генералов. Как русские, так и французские (необходимо отдать им должное) военачальники под градом пуль демонстрировали образцы мужества и воинской отваги: кто погиб, кто выбыл раненым из строя... Жизнеописания многих из них по праву украшены эпизодами участия в этой битве. С биографией М. И. Платова дело обстоит несколько сложнее: в его послужном списке Бородино до сих пор остается темным пятном, ставящим под сомнение боевую репутацию знаменитого донца. Тень, брошенная М. И. Кутузовым на поведение атамана в день 26 августа, доставила впоследствии большие затруднения нескольким поколениям историков. Основное препятствие биографов Платова заключалось в том, чтобы согласовать доблестные действия предводителя казаков с негативным отзывом о нем Кутузова. Чаще всего указанное противоречие устранялось допытанным методом: до недавнего времени большинство авторов предпочитало не замечать или обходить стороной этот неудобный факт, Но как нередко случалось в нашей отечественной историографии, стремление сглаживать углы породило на практике искусственно созданную идиллическую картину — полное единство взглядов и действий в 1812 г. непогрешимого и мудрого отца-командира М. И. Кутузова и его безупречно верного сподвижника «вихорь-атамана» Платова. Это уникальное историографическое явление заставляет обратить пристальное внимание на действие в знаменитой битве казачьего корпуса и его предводителя.

Среди большого числа трудов по этому сюжету Бородинского сражения особо выделим недавно вышедшую книгу А.И. Попова. В целом автору удалось уточнить хронологию сражения, и, базируясь не только на отечественных, но широко используя иностранные источники, детализировать происходившие события. Убедительно выглядит и его вывод о том, что, несмотря на неудовлетворенность командования итогами операции Платова, эта «диверсия принесла больше пользы русской армии, чем нанесла вреда французской. Она помогла русским воинам выстоять на доле Бородина»¹. Наряду с этой книгой можно отметить диссертацию А.И. Сапожникова, где сделана первая попытка критического и научного осмысления биографии М.И. Платова. Заметим, что автор смог избежать комплиментарного

подхода к проблематике и пересмотрел многие устоявшиеся в историографии оценки и взгляды, в частности взаимоотношения «вихорь-атамана» с высшими военачальниками — М.Б. Барклаем де Толли, П.И. Багратионом, М.И. Кутузовымⁱⁱ.

На наш взгляд, давая оценку деятельности Платова в Бородинском сражении необходимо учитывать в первую очередь его морально-психологическое состояние и отношения с высшим генералитетом. Эти факторы прежде, как правило, не брались в расчет.

Донской атаман, отстраненный Барклаем 18 августа от командования главным арьергардом и отосланный под предлогом свидания с императором в Москву, возвратился к своим полкам 24 (по утверждению некоторых авторов — 25) августа, накануне Бородинского сражения. Его честолюбию был нанесен очередной удар, и он находился далеко не в лучшем душевном состоянии, всегда тяжело переживая свои неурядицы. Например, еще 15 августа в ответ на нарекание за быстрое отступление арьергарда он жаловался А.П. Ермолову: «А вчерашний выговор мне, что я сближаюсь к армии будто от одного авангарда малого неприятельского, чуть было не сразил до болезни»ⁱⁱⁱ. Вряд ли его радовало и назначение нового Главнокомандующего, с которым он после столкновения в 1809 г. Находился, мягко говоря, в натянутых отношениях^{iv}. Ничего хорошего в будущем Платову ожидать не приходилось.

После отъезда Платова в Москву в командование иррегулярными войсками вступил генерал-майор И.К. Краснов, близкий атаману по возрасту, взглядам и много ему обязанный по службе; Прибыв обратно к армии, Платов узнал печальное известие о своем ближайшем сподвижнике: в арьергардном бою под Колоцким монастырем Краснову ядром раздробило правую ногу, которую пришлось отнять (по некоторым свидетельствам — при операции присутствовал Платов). Но это не помогло, и Краснов скончался 25 августа. Смерть старого боевого товарища только усугубила тяжелое душевное состояние атамана. Было и другое, задевшее его самолюбие неприятное обстоятельство — в это время у него забрали еще несколько полков, а их и так оставалось под его командованием немного. Подобное — всегда весьма чувствительно для любого генерала, особенно имевшего высокий чин. По штатам в Войске Донском насчитывалось 60 полков, а атаман повел сражаться в день генеральной баталии всего 6 полков из 10 подчиненных ему на тот момент. Командовать такими малыми отрядами нередко поручали даже не генералам, а молодым Полковникам. Для примера: в арьергарде под началом генерал-лейтенанта П.П. Коновницына, сменившего на этом посту Платова, до 26 августа находилось, помимо регулярных частей, 13 казачьих полков.

Теперь подойдем к весьма деликатному вопросу, которого нельзя не коснуться при рассмотрении нашей темы. Многие современники прямо указывали на то, что прославленный казачий атаман не избежал, как и многие простые смертные, пристрастия к спиртным напиткам (предпочитал цимлянское, горчишную и «водку-кизлярку»). В данном случае он прямо нарушал вековую казачью заповедь — сухой закон во время военных походов. Но, видимо, под влиянием обстоятельств его пагубная привычка взяла верх, и этот порок произвел негативное впечатление на очевидцев событий. В воспоминаниях нескольких офицеров, где речь идет о Бородинской битве, можно встретить малоприятные для Платова оценки. Так, А.И. Михайловский-Данилевский, характеризуя его «распутное поведение», написал: «...Он был мертво пьян в оба дня Бородинского сражения, что заставило, между прочим, князя Кутузова, 24-го августа во время дела, сказать при мне, "что он в первый раз во время большого сражения видит полного генерала без чувств

пьяного"»^v. О нетрезвом состоянии Платова 26 августа дважды в своих записках упомянул и Н.Н. Муравьев^{vi}. Офицер кутузовского штаба А.А. Щербинин лишь глухо намекал на это обстоятельство: «Платов ничего не делал во весь день. Казаки его и ночь всю проспали, не заметив отступления ведетов неприятеля»^{vii}.

Здесь важно отметить, что все трое не находились рядом с атаманом в день сражения, а только высказали мнение, сложившееся о Платове в штабе Кутузова. Конечно, дыма без огня не бывает, и, скорее всего, утверждения мемуаристов имели под собой реальную почву. И все же, не отрицая самого факта, было бы неверно представлять Платова, основываясь на нескольких показаниях, главным «алкоголиком» российской армии (во все времена у нас хватало пьющих генералов). Кроме того, этот факт, о котором идет речь, не дает никаких оснований считать, что казачьи полки не справились с поставленной задачей. А именно такое мнение устоялось в штабной среде. Правда, причины тому указывались разные. Например, А.Н. Муравьев, упоминая, что иррегулярные части сражались «очень неохотно» и «вяло», высказал мысль: «...Это, может быть, произошло оттого, что Платов временно причислен был к армии Барклая, к которому все питали ненависть, в особенности казаки, потому что они более нас ненавидели немцев»^{viii}.

Исходя из совокупности всех ныне известных фактов, трудно согласиться с тезисом о «вялости» и «неохотности» казаков в сражении. В диспозиции, отданной Кутузовым 24 августа для предстоящего сражения, об отдельном казачьем корпусе ничего не говорилось. Следовательно, он не имел строго определенного назначения. В конечном итоге именно от Платова (или его окружения) исходила инициатива кавалерийского рейда во фланг противника. Еще утром 26 августа его казаки провели разведку, выяснили отсутствие крупных французских сил за р. Колочью и нашли броды. Атаман отправил к Кутузову принца Э. Гессен-Филиппстальского с просьбой подкрепить его малочисленный корпус для последующего движения. Фактически Главнокомандующий лишь одобрил платовский план, однако для предложенной операции были выделены ничтожно малые силы: примерно 2 тыс. казаков и 2,5 тыс. сабель 1-го кав. корпуса. Кроме того, учитывая отсутствие единого командования этой конницы (ни Платов, ни Уваров не подчинялись друг другу) и четко сформулированного ей приказа, как о том писал участник рейда К. Клаузевиц^{ix}, трудно было надеяться на какие-либо эффективные результаты. Наполеон все же вынужден был выделить для противодействия конным корпусам Платова и Уварова 5 тыс. кавалерии и 10,5 тыс. пехоты^x, а потом «затормозить» выдвижение на исходные позиции двух дивизий Молодой гвардии, приготовленных для поддержки фронтальных ударов. Потеря времени на войне — вещь непоправимая. Французские атаки в центре на время приостановились. Тем самым русские получили очень важную для себя передышку, а командование сумело перегруппировать войска. Весьма вероятно, что русская кавалерийская диверсия повлияла на решение Наполеона не вводить в дело Старую гвардию ввиду уязвимости своего левого фланга, а также из-за опасения повторного нападения. Все это — прямые и косвенные результаты действия казачьей конницы.

Современные историки часто упускают из виду и другой факт, противоречащий тезису о «бездеятельности» казаков. Корпус Платова 26 августа захватил 450-500 пленных^{xi}, а в целом русские в тот день взяли около 1000 французов. Если малочисленный корпус на своем счету имел столько пленных, сколько вся остальная армия (140 тыс. человек), то уместно ставить вопрос о «бездеятельности» не корпуса, а армии.

Анализируемые факты заставляют поставить под сомнение выдвинутую командованием версию о пассивности Платова. Здесь нужно искать другие объяснения. Тем более что в официальном известии о Бородинском сражении, составленном 27 августа в штабе Кутузова, роль атамана получила совершенно неожиданный оборот. Ему приписали как раз то, чего он не делал. Прочитируем этот документ, рассчитанный в первую очередь на общественное мнение России: «На следующий день генерал Платов был послан для его (т.е. противника. — В.Б.) преследования и нагнал его арьергард в 11 верстах от деревни Бородино»^{xii}. Это соответствовало действительности с точностью до наоборот. На войне официальные сообщения призваны скрывать истинное положение дел, но не до такой же степени! Платову на самом деле поручили командование передовыми частями, только не авангарда, а арьергарда, который первоначально отошел к Можайску, а затем, не выдержав напора превосходящих сил французов, отступил к с. Моденове, находившемуся в 3 верстах от расположения Главной армии^{xiii}. Вечером 28 августа Платова отстранили, а на его место был назначен М.А. Милорадович. Неприятности сыпались на голову атамана с завидным постоянством. Особенно обидным для него стало вторичное за месяц устранение от престижного в глазах генералитета командования арьергардом с одинаковой неофициальной формулировкой: «за быстрое отступление».

Анализ всех фактов и обстоятельств позволяет предположить, что главной причиной неприятностей Платова были отнюдь не реальные его провалы или сомнения в его командных способностях, а старые обиды на него нового Главнокомандующего. Так, еще И.П. Липранди в своих мемуарных заметках, оспаривая официальный повод снятия Платова («неприятель напирал сильнее нежели накануне»), заметил, что нареkanie на Платова «имело и другой источник или причину»^{xiv}. Другой же, не менее осведомленный мемуарист А.П. Ермолов прямо писал, что Кутузов «не имел твердости заставить Платова исполнять свою должность, не смел решительно взыскать за упущения, мстил за прежние неудовольствия и мстил низким и тайным образом»^{xv}. Вспоминая эти события, А.И. Михайловский-Данилевский засвидетельствовал, что раздражение Кутузова против атамана доходило даже до употребления ненормативной лексики: «...Он бранил Платова, который в сей день командовал арьергардом, вот, между прочим собственные слова его: "Он привел неприятеля в наш лагерь, я не знал, чтобы он был такой г...няк"»^{xvi}.

В пользу нашего предположения свидетельствуют и последовавшие события. На военный совет в Филях генерала от кавалерии М.И. Платова (в свое время участника не менее знаменитого военного совета А.В. Суворова в 1790 г. перед штурмом Измаила) забыли позвать, хотя в числе приглашенных оказались молодые полковники и генерал-майоры^{xvii}. Фактически он был лишен и командования донскими казачьими полками. Номинально у него оставался лишь Атаманский полк, находившийся в его подчинении по статусу. После оставления Москвы Кутузов приказал Платову собирать лошадей для кавалерии. Такое поручение для боевого генерала имело явно унижительный оттенок. Очередной ощутимый удар по атаманской власти был нанесен 8 сентября в Красной Пахре. Приказом по армии все полковые коши (казачьи обозы) выводились из подчинения Платова и передавались в ведение генерал-вагенмейстера армии^{xviii}. Тем самым подрывалась хозяйственная самостоятельность казачьего вождя, он лишался последней возможности управлять иррегулярными войсками. Смирительная рубашка для атамана затягивалась все туже

и ту же. Лишь в конце сентября Платов, оказавшись мастером закулисных генеральских игр, смог вернуть себе командование казачьими полками.

Примечания

- ⁱ Попов А.И. Бородинское сражение: Боевые действия на северном фланге. Самара, 1995, с.98.
- ⁱⁱ Сапожников А.И. Граф Матвей Иванович Платов: Опыт научной биографии. (Дис. канд. ист. наук). СПб., 1995.
- ⁱⁱⁱ Чтения ИОИДР. 1862, Кн. 1, с. 208.
- ^{iv} См.: Сапожников А.И. Указ. соч., с.85-86.
- ^v Записки А.И. Михайловского-Данилевского: 1812 год // Исторический вестник, 1890, №10, с. 154.
- ^{vi} Русские мемуары: Избранные страницы 1800-1825 гг. М., 1989, с.108, 116.
- ^{vii} Харкевич В. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. I. Вильно, 1900, с.22. См. также: Из бумаг А.А. Щербинина // Чтения ИОИДР. 1912, Кн. 4, с. 6.
- ^{viii} Муравьев А.Н. Сочинение и письма. Иркутск, 1986, с. 112-113.
- ^{ix} Клаузевиц К. 1812 год. М., 1937, с. 106.
- ^x См.: Попов А.И. Указ. соч., с.74, 83.
- ^{xi} См.: Бородино: Документы, письма, воспоминания. М., 1962, с.99-101; Пузанов В. Донцы в Бородинском бою // 1812-й год, №15-16, с. 545.
- ^{xii} Листовки Отечественной войны 1812 года. М., 1962, с. 42; М.И. Кутузов. Т. IV. Ч. I, с. 153.
- ^{xiii} Бородино... с. 105, 115-116.
- ^{xiv} Харкевич В. 1812 год... Вып. II. Вильно, 1903, с. 35.
- ^{xv} Ермолов А. Характеристики полководцев 1812 г. // Родина, 1994, №1, с. 60.
- ^{xvi} Записки А.И. Михайловского-Данилевского, с. 146.
- ^{xvii} Так как протокола военного Совета не велось, до сих пор не установлен точный состав его участников. Среди мемуаристов только Л.Л. Беннигсен, П.П. Коновницын и А.И. Михайловский-Данилевский упомянули Платова в числе присутствовавших (Беннигсен Л.Л. Письма о войне 1812 г. Киев, 1912, с. 82; Харкевич В. 1812 год... Вып. I, с. 128; Михайловский-Данилевский А.И. О сдаче Москвы // Русский вестник. 1819, №5-6, с. 11), А.И. Сапожников разыскал один интересный архивный документ, в котором оказалась следующая запись: «Платов (которого забыли звать) пришел ночью и согласился с Барклаем» (Сапожников А.И. Указ. соч., с. 121).
- ^{xviii} М.И. Кутузов Т.IV, ч. I, с. 298; РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. 55, д.5/44, л. 92.